

К СМЕРТИ

*О жизни тленной,
тленной и прекрасной.
А. Ахматова*

Муравьишки щекочут асфальт,
почему-то асфальт не смеётся.

Во дворе я.
В ночнушке и куртке поверх неё.
Мне девяносто.

Есть у бога дуршлаг,
небо мутное цедит до звёзд он.
Вечереет. Ладони бледнеют.
Асфальт горячей под рукою.

Розовый мел течёт.
Плачет асфальт по мне.
Скоро...

Помню, бегали летом,
и было нам с Сашкой семнадцать,
Танцевали, с балкона соседи
смотрели на наши с ним танцы,
С Сашкой мы целовались
сквозь листья берёзы
(ну, чтоб не стесняться).

Джинсодралками звали котов:
на заказ они рвали нам джинсы,
И, пока они рвали,
мы танцевали в юбках из листьев!

К речке бегали.
Помню песок в носках.
Помню, как мяч волейбольный

От жары захотел
лимонадного солнца
и ринулся в небо, но больно

Кислый напиток!
В Сашкины руки мяч блудный
упал недовольно.

И ходила там
смуглая-вечная-пляжная
бабушка с криком: «Кому ветчины?»,

Нам казалось,
на осень и зиму её, как всегда,
закопают в песок до весны.

К школе бегала летом.
К окнам любимой учительницы,
Мыльные пузыри надувала,
шептала секреты в них!
Только вот листья

Ревнивые лопали их
и шуршали секреты свои
Ей, к окнам приблизившись.
А секрет мой – что я бы терпела

укусы пчелы и крапивы
(ну, если бог просит так),
Никогда лишь бы не было
в (самых пшеничных!!!) Её волосах
этой проседи!

Всё. Забуду. Стемнело.
Ночная прохлада.
Мне девяносто лет.
Где же пляжная бабушка?? Сашка?
Целованных листьев букет?..
Громче плачет асфальт в сентябре,
дождь смывает руки моей след,

Нарисованный мелом.
Стираются линии жизни. Ну, всё.
...а дворовые урны
полны недоцеженных звёзд.

ОКНА И КРЫШИ

Настежь окна!
Ввалится небо, скрывая печаль
В синем буйстве!
Апрельское синее небо!
Я – женщина окон!
Безудержных окон!
Мне спутник – рассвет был!
Он сейчас разгорелся за домом
из красного кирпича!

Он меня не отпустит...

У нас с окнами, знаешь,
были свои отношения:
В январе они были будто
нарочно заснежены.
Я дышала на них,
но мороз с каждым разом за свежими
Рисунками прятал меня,
ты не видел движений...

Уходил, полный грусти.

Я женщина крыш!
Чувственных крыш,
что горят янтарём!

И вчера, на закате,
я снова гуляла по крыше,
Ты – высокий и странный... –
на крышу соседнюю вышел
А потом мы с тобою спустились
по лестнице в дом.

(А закат так печален...)

...Тени от жалюзи на стенах
проступают, на нас.

Сквозь почти тишину
прорезается зелень
на ветке в стакане!

Сжаты руки!
Мы озарены!
Тени канули!
Не обижен рассвет – не боюсь.
В наши окна сейчас

Горний мир
Целиком
Запаян.

* * *

Окна громадные!
Зори слепящие!
Ярый закат – на Западе,
В триптихе окон,
в зеркале комнаты
и на твоих запонках.

Я просто честна с тобой,
хватит печалиться:
Богу я больше верна!
С тобою – «лицом к лицу»,
но «не увидеть лица»:
солнцем я ослеплена –

Бога я чую –
тяжёлою каплей,
пушинку глушащей на
Знойном асфальте.
И паутиной с закатом
у рамы окна!

Рябью – на речке,
росинкой – на крыльях
у бабочки белой,
А вот тебя я –
сама ощущаю!
Своим телом!

Ты – осязаемый...
Солнце на Западе в речке
умылось на ночь.

Ладно, не слушай.
Видишь – я странная,
видишь – больная напрочь!
Крестик нагрелся, целую.
взглянув на тебя краем глаза...
Хочешь, тебя так же?
Хочешь – мне жалуйся?
Хочешь – всё сразу?

...Окна громадные.
Взгляд твой печальный...
И на Востоке темней.
Только листва остаётся подсвеченной,
солнце пульсирует в ней.

Ты же прощаешь?
Глаза прикрываешь –
солнце на Западе село.

Смотришь.
И эта заря в янтаре твоих глаз.
Всецело.

* * *

*Из дома сонного иду – прочь.
М.Ц.*

Я рано встаю: я – янтарный восход, я – заря!
Я болтаю с окном,
поцелуй свой воздушный даря
И чужим, подслушавшим, окнам.

Я смотрю, как хозяйки гуляют с щенками,
Как река убажает проснувшийся камень,
А брызги реки то сияют, то блёкнут.

Ты пришёл...
и, не сразу поняв, что заря – я,
Ты сказал мне, улыбкой меня озаряя:
«Побежали! Эх, солнце взошло б!..»

...Вечно бодрый сосед не увидел в глазок нас,
Но, ей-богу, дрожали подъездные окна,
Стены, двери, наш чужой озноб.

Мы по паркам безлюдным с тобою носились,
И не слышал ты шума газонокосилки,
Визгом счастья тебя оглушила немножко.

И, как пряничные человечки в стакане
С молоком, мы с тобой растворялись в тумане,
А затем мы себя собирали по крошкам...

Свежескошенной пахло. Прилёт ты на спину,
Я тогда очень долго молила травинки,
Чтоб они не кололи, шутя, твою кожу...

Я – Заря.
И не видел ты, как упорхнула я в небо.
Что хочу? Рифмоваться с собою в реке бы...
...Я хотела бы стать и твоей,
и ничейной,
и божьей...